

Родовой зал клана Цуй возвели не в самом сердце земель, среди плотной застройки жилых дворов, а на северной окраине, где раскинулись тысячи му клановых полей. Храм стоял у подножия горы Юньянь — восьмисотметровой громады, чьи склоны здесь казались пологими и не слишком грозными. Однако именно эта гора, подобно каменному заслону, отделяла уезд Хуйцзюй от внешнего мира, превращая его в подобие загнанного зверя, запертого в границах водного края Цзянчжоу.

С южной стороны гора Юньянь открывала вид на бескрайние озера Цзянчжоу. С её вершины в ясные дни можно было различить тонкую полосу, где озерная гладь встречается с морской; там сновали торговые суда и трепетали на ветру паруса. Но всё это великолепие не имело никакого отношения к Хуйцзюю, зажатому в горной котловине, словно на дне чаши.

С тыла гора поднималась пологими террасами, маня кажущейся лёгкостью восхождения. Но с лицевой стороны её обрыв падал вертикально вниз, точно разрубленный гигантским клинком. Чем ближе к воде, тем яростнее свирепствовали ветра, а подножие горы ощетинилось нагромождением причудливых скал, где, по слухам, водились водяные обезьяны и огромные рыбы. В те времена, когда кованое железо было под строгим надзором, у простых людей не было ни сил, ни возможности пробить себе путь через этот тупик.

Они бежали сюда от властных междоусобиц, но в итоге были властью позабыты. Уезд Хуйцзюй стал для чиновников чем-то вроде застарелого лишая: его брезгливо сторонились, и никто не желал брать на себя управление этим захолустьем. В процветающем, утопающем в золоте Цзянчжоу сильные мира сего не видели смысла тратить силы на борьбу за жалкие крохи этой земли.

Там, где с почвы невозможно соскрести и пары граммов золота, интриги лишь изнуряют душу. В этом забвении народ получил шанс плодиться и множиться. Маленький уездный город, его деревни и поселки процветали лишь в одном — в изобилии людей.

Хуйцзюй стал главным поставщиком рабочей силы для всей области. В трех округах и двадцати восьми уездах семьи, имевшие лишние деньги, но не желавшие отправлять своих сыновей на тяжелую государственную службу, посылали людей в Хуйцзюй. Там за умеренную плату можно было нанять «заместителя», который отработал бы трудовую повинность под чужим именем. Со временем это превратилось в негласное правило: высшее начальство не проверяло, низшее закрывало глаза, и обе стороны оставались довольны. Для нищих жителей Хуйцзюя это стало стабильным заработком, помимо скудного земледелия. Если в семье было много сыновей, денег, вырученных за летнюю и зимнюю повинности, вполне хватало, чтобы запастись зерном после уплаты всех налогов.

За сородичей Цуй выплаты вносил клан, но арендаторы на их землях должны были нести эту ношу сами. Ремонт и охрана родового зала, а также поддержание дорог в округе стали частью взаимовыгодной сделки между кланом и крестьянами. Цуй Люй обычно договаривался с уездным судьей о минимальной подушной подати, засчитывая труд арендаторов как исполнение их обязательств перед государством.

Формально вся гора Юньянь принадлежала клану Цуй, доказательством чему служил семейный храм, выстроенный на склоне. Позже, в ходе бесконечных тяжб и споров между сменявшими друг друга главами клана и уездными судьями, права на гору перешли ведомству, став казенной собственностью. Однако сам храм удалось сохранить: его превратили в монастырь Баохуа, который со временем стал самой известной женской обителью в округе.

Как только Цуй Люй объявил о созыве собрания, в зал заседаний при родовом зале немедленно прислали жен арендаторов для уборки. На узких тропах между полями появились мужчины с каменными ножами и деревянными лопатами: они расчищали путь и выравнивали землю, поврежденную плугами. Осенняя страда была в разгаре, и хотя тысячи людей трудились на бескрайних полях, равнина всё равно казалась пустынной. Ветвь главы клана владела наделами, превосходившими общие клановые земли почти в десять раз. Лишь малая часть сородичей жила за счет собственных участков, большинство же целиком зависело от помощи клана. Поэтому только восемь старейшин имели право говорить с главой лицом к лицу; остальные девять десятых рода не смели даже подать голоса.

То, что Цуй Гу удалось подбить людей явиться к поместью, означало лишь одно: он пообещал им неслыханную выгоду.

Предчувствия не обманули Цуй Люя. Не успел его экипаж поравняться с воротами родового зала, как Цуй Чэн привел избитого, вконец подавленного Цуй Байюаня.

Дворецкий подошел к окну кареты и прошептал, косясь на поникшего племянника:

— Батюшка, беда. Второй господин вывез из дома всё, что имело хоть какую-то ценность. А его супруга подговорила людей, они схватили жену и детей Байюаня, требуя отдать документы на землю. Те, кто пришел с ними, держат в руках расписки — Второй господин пообещал каждому по два му земли в обмен на поддержку. Если бы Байюань не пригрозил покончить с собой прямо на пороге, они бы и сам дом отобрали.

«Пошел ва-банк», — подумал Люй. Теперь стало ясно, откуда у брата такая уверенность.

Цуй Люй прищурился и едва слышно процедил:

— Идиот.

Тот, кто ради призрачного успеха готов пустить по ветру наследие предков и пожертвовать жизнью собственного сына, не достоин великих дел. Неужели он надеялся купить верность за медные гроши? Глупец.

Цуй Байюань под тяжелым, давящим взглядом дяди невольно выпрямился. Его лицо было серым от горя, голос сорвался на хрип:

— Старший дядя... мой отец... он...

Люй поднял руку, прерывая его. Он понимал: в этом мире сын не может обличать отца, каким бы мерзавцем тот ни был. Сказать дурное о родителе — значит навсегда покрыть себя позором.

— Сегодня я помогу тебе отделиться, — спокойно произнес Цуй Люй. — Когда ты станешь хозяином в собственном доме, готов ли ты будешь исполнять мою волю?

Байюань вскинул голову. В его глазах, полных отчаяния, вспыхнула надежда. Дыхание его стало прерывистым, он судорожно кивнул:

— Да... Я согласен. Старший дядя, я сделаю всё, что прикажете.

Цуй Люй смягчил взгляд. В его голосе зазвучало непривычное тепло:

— Не терзайся. Родство по крови — не всегда благо. Для тебя и для твоего сына Мао так будет лучше.

Цуй Мао был первенцем Байюаня. Сам же Байюань... Он был плодом случайной связи Цуй Гу со служанкой в годы его юности. Позже мать Гу настояла, чтобы ребенка записали на имя законной жены, из-за чего её собственный сын стал вторым в очереди наследования. Пока были живы старики Цуй, женщина не смела притеснять Байюаня, но стоило им уйти, как она принялась всеми силами выживать пасынка, стремясь передать всё имущество родному сыну. Если бы не тайное покровительство Цуй Люя, добродушного Байюаня давно бы сожрали заживо.

Единственной удачей было то, что невесту для него выбирала ещё покойная бабка. Благодаря этому мачеха, как бы ни изощрялась в придирках, не могла заставить мужа дать развод нелюбимой невестке.

Но у Цуй Люя, как у главы клана, была власть иная: он мог заставить брата дать развод самой мачехе. Та это знала и обычно лишь балансировала на грани дозволенного. Стоило ей зайти слишком далеко, как Люй присылал почтенных матрон рода, и те препровождали её в монастырь Баохуа для «покаяния».

«В этот раз, — холодно подумал Люй, — я исполню волю тетушки и вычеркну это имя из родословной книги».

Колокол родового зала пробил девять раз. Восемь старейшин, уже ожидавших внутри, разом переменились в лицах. Сородичи, услышав призыв, поспешили к воротам. Увидев роскошный выезд из поместья Цуй — карету из красного сандала с шелковым балдахинном и изящными кистями, окруженную грозными охранниками, — люди окончательно поверили слухам: глава клана Цуй стал другим человеком.

Раньше Цуй Люй выезжал на старой колыхаге, запряженной облезлой клячей, а порой и вовсе на муле или волах. Подобная роскошь — дорогое дерево, изысканный шелк — никогда прежде не появлялась в его доме.

Цуй Гу, стоя в кругу старейшин, лихорадочно блестел глазами. Он ткнул пальцем в сторону выходящего из кареты брата:

— Видите? Посмотрите на его халат, на сапоги! А заковка в волосах? Это же чистейший нефрит!

Цуй Люй твердо встал на землю и расправил плечи. Солнечный свет мгновенно заиграл на его поясе. Это был безупречный белый нефрит, в центре которого сиял изумруд размером с кулак, обрамленный жемчугом. От него исходило такое сияние власти и богатства, что у сородичей зарезало в глазах.

Тот, кто не знал Цуй Люя, мог подумать, что в глушь приехал знатный вельможа из самой столицы.

Цуй Гу, захлебываясь от зависти, выкрикнул:

— И он еще смеет утверждать, что не трогал сокровищницу! Эти вещи куплены на наши общие деньги, я уверен!

Люй даже не удостоил его ответом. Его холодный взгляд скользнул по восьми старейшинам; те поспешно отвели глаза. Площадь перед родовым залом была забита людьми. Обычно подобные дела решались за закрытыми дверями, а народу лишь зачитывали итог.

Но на этот раз Цуй Люй не пошел в зал. Он велел вынести кресло и стол прямо к дверям родового зала, чтобы провести совет на глазах у всего клана.

Третий дядя, стоявший среди старейшин, неуверенно подал голос:

— Племянник Люй, это... не по правилам!

Цуй Люй проигнорировал его. Он степенно опустился в кресло с высокой спинкой, перед ним поставили сандаловый столик с чайными приборами и сладостями. Слуга зажег благовония, и тонкая струйка дыма потянулась вверх.

Оскорбленный пренебрежением, Третий дядя бросил ищущий взгляд на соседей, надеясь на поддержку, но те хранили гробовое молчание, словно приросши к дверям.

Цуй Гу, не заботясь о приличиях, оттолкнул старика в сторону. Зачем ему правила? Когда он

станет главой, он сам будет устанавливать законы. Третий дядя пошатнулся и в гневе затряс бородой.

Остальные старейшины замерли, спрятав руки в рукава. Казалось, они на стороне Гу, но их рты были плотно сжаты, а общались они лишь многозначительными взглядами.

Они прекрасно знали, что не имеют реальной власти над Люем. Их титулы были лишь данью традиции, позволявшей сохранять лицо перед простыми сородичами. За долгие годы эти «декоративные» старейшины поняли: у каждого главы есть тайный совет, и даже если им удавалось вычислить кого-то из советников, они предпочитали делать вид, что ничего не замечают.

Цуй Гу наивно полагал, что совет старейшин может сместить главу. На деле же эта власть истлела еще два поколения назад, когда все рычаги управления и клановое имущество перешли в руки главы.

У них осталось лишь звание. Конечно, такие, как Третий дядя, любили поучать молодых, но даже они со временем понимали, когда стоит прикусить язык.

Цуй Люй неспешно сдул пену с чая. Когда гомон толпы утих и воцарилась такая тишина, что слышно было падение хвоинки, он сделал глоток. Все взгляды были прикованы к нему. Перед ними был всё тот же человек, но его аура стала подавляющей.

Неужели всё дело в одеждах?

Но лицо главы было непривычно спокойным и даже доброжелательным. Почему же тогда сердца сородичей сжимал беспричетный страх?

Цуй Фэн, пришедший поглазеть на зрелище вместе с товарищами, тоже был в новом шелковом наряде. Друзья засыпали его вопросами, но мальчик не слушал их. Его глаза сияли восторгом и благоговением, когда он смотрел на деда.

Цуй Люй заговорил:

— Я собрал вас, чтобы объявить о важном решении. Но прежде мне нужно уладить одно дело. Цуй Гу...

Лицо Гу потемнело от злости. Услышав свое имя, он невольно вздрогнул, но ярость в груди быстро подавила страх. Он выступил вперед, бросая вызов брату. Выпрямив спину, он всем своим видом показывал: сегодня твой последний день.

— Цуй Люй, ты, сукин сын...

Слова застряли у него в горле. Взгляд брата, острый и холодный, как стальной клинок, пронзил его насквозь. Гу осекся, захлебнувшись воздухом, точно курица, которую схватили за шею.

Цуй Юй, всё это время наблюдавший за происходящим, поспешно шагнул вперед, пытаясь увести брата:

— Второй брат, ты забываешься! Пойдем домой!

Он только что узнал о том, что Гу сотворил с Байюанем, и его сердце обливалось кровью от гнева и стыда. Но Гу был его плотью и кровью, и он пытался спасти его от неминуемой гибели.

Но тот грубо оттолкнул руку брата и снова закричал, брызжа слюной:

— Не строй из себя праведника! Отвечай всем: откуда у тебя эта карета? Откуда наряды и золото? Откуда деньги на роскошную жизнь в поместье и на раздачи детям? Ты запустил руку в общую казну и тратишь наше добро на себя!

Цуй Люй легонько стукнул крышечкой о чашку. Его взгляд медленно переместился на «декоративных» старейшин. Голос его был негромким, но отчетливым:

— И вы тоже так считаете?

Восемь стариков переглянулись. Наконец один из них выступил вперед:

— Пожалуй... сородичам нужны объяснения.

Цуй Люй коротко рассмеялся. Он поставил чашку на стол и принялся размеренно постукивать пальцами по столешнице. Каждый удар отдавался в ушах присутствующих, точно звук молота.

— Объяснения? Кому я должен объясняться? Вам? Им? — он обвел рукой толпу. — Долгое время я жил так же, как и вы, ел ту же пищу, носил те же одежды. И вы решили, что мы равны? Вы действительно так глупы или только притворяетесь?

Он был скуп, носил простое полотно и соломенную обувь, и во всём его облике не было ни намека на богатство. Но это не значило, что он был беден.

Он был богат. Невероятно богат тем наследством, что передали ему предки. Он просто не выставял это напоказ, позволяя всем думать, что его достаток немногим больше их собственного.

Если городские обыватели могли в это верить, то как сородичи могли быть столь слепы?

Клановые земли и его личные владения никогда не были одним целым. Содержимое клановой сокровищницы не составляло и десятой доли его собственного состояния. Он никогда не зависел от общих доходов. Неужели годы, проведенные за одним столом, заставили их поверить, что его сундуки — это их сундуки?

Они действительно держат его за дурака?

Смешно!

С какой стати он должен отчитываться за то, как тратит личное золото?

Цуй Гу лишился разума, но неужели эти восемь «мудрецов» позабыли завещания предков?

Все замерли, подавленные его холодным, презрительным взглядом. Раньше он казался лишь желчным и прижимистым, теперь же от него исходила пугающая, ледяная суровость.

На площади воцарилось молчание. Люди невольно отступали под его тяжелым взором.

Лицо Цуй Гу побледнело. Он обернулся к старейшинам и увидел на их лицах лишь смтение и вину. В голове у него загудело, виски сдавило невыносимой болью. Он едва удержался на ногах.

Поместье Цуй... Теперь он понял, почему каждый глава клана так держался за старый дом. Кем бы ни был глава, адрес никогда не менялся. Несмотря на пожары и наводнения, поместье Цуй век за веком стояло на одном и том же месте.

Он в ужасе смотрел на старейшин, понимая, что его просто использовали как таран.

Эти люди хотели его руками проверить, что на самом деле знает Люй о тайниках поместья. Ведь Люй не вырос в этом доме, он вошел в него уже взрослым мужчиной, приняв пост. Они надеялись, что он не видит разницы между казной клана и личной сокровищницей главы. Они рассчитывали на то, что он — чужак.

Но старый глава, как бы ни был он убит горем, никогда бы не забыл передать преемнику сокровенные тайны рода. За двадцать лет Люй изучил в этом доме каждый кирпич.

Он прикидывался скупцом, чтобы все верили: он не знает о своем богатстве или боится тронуть клановые деньги. Все эти годы он жил в нужде, заставляя жену и детей делить с ним лишения, зная при этом, что в подвалах лежат горы золота.

Какая выдержка... Какое коварство...

Цуй Гу пробила дрожь. Встретившись взглядом с братом, он почувствовал, что его жизнь висит на волоске.

Интуиция его не обманула. Цуй Люй вкратце пересказал суть их пари сородичам, а затем обратился к толпе:

— Если вы считаете, что Цуй Гу, приведший вас сюда требовать доходы от земель Благодатной помощи, прав — встаньте рядом с ним. Если же вы останетесь на местах, я сочту, что вы признаете мою власть и подчинитесь моим решениям.

Никто не шелохнулся. Даже те, кто получил от Гу обещания и подарки, не посмели сделать и шага. Цуй Юй тяжело вздохнул, понимая, что его брат окончательно проиграл.

Цуй Люй удовлетворенно кивнул:

— То, что я даю или забираю, — это моя воля, моя награда или моя кара. Отраднo видеть, что вы благоразумнее брата и честнее этих почтенных старейшин. Видимо, деньги, которые я трачу на клановую школу, не пропали даром. Вы усвоили уроки учителей о чести и долге. Это очень хорошо.

Хотя школа считалась клановой, основное бремя расходов лежало на поместье. Доходов с общих земель едва хватало на помощь беднякам, на учителей там не осталось бы и гроша.

В эти времена много ли было грамотных людей среди простого народа? Даже те, кто не блистал успехами в учебе, выйдя из клановой школы Цуй, легко находили работу в уезде. Грамотность была их главным преимуществом в борьбе за жизнь.

— Я уже отправил людей в префектуру, — продолжил Цуй Люй. — Скоро в нашу школу приедут несколько наставников со степенью цзюйжэнь. Те из вас, кто хочет учиться, могут подать прошение. Кроме того, я открываю классы счета, ремесла и медицины. Если у вас есть склонность к одному из этих дел — записывайтесь. В будущем, когда властям потребуются люди, я лично дам рекомендации лучшим ученикам.

До сих пор учителями в школе были лишь сюцаи, из-за чего знания сородичей были ограничены. Те, кто хотел учиться дальше, должны были ехать в большие академии, что большинству было не по карману. Многие втайне винули Люя за то, что тот жалеет денег на именитых наставников.

Теперь же, после первой вспышки радости, люди склонили головы в глубоком стыде.

Цуй Люй не стал тратить время на их чувства и объявил о главном:

— Клановые земли останутся неприкосновенны, на них всё будет по-старому. Но те десять

тысяч му земли, что принадлежат поместью, я решил передать в пользование сородичам. На каждую семью будет выделен надел: по десять му на каждого взрослого мужчину, но не более ста му на одну семью.

Десять му на мужские руки — это был предел, который позволял семье жить в достатке и при этом не надрываться. Люй не хотел, чтобы в поле выгоняли женщин. Домашние дела, рождение и воспитание детей — этот труд и так отнимал все силы. Если начать считать землю на женщин, жестокосердные мужья превратят их в рабочий скот.

Он не потерпит слез и крови женщин на своих полях. Если однажды знатный гость забредет в его владения и увидит изможденных рабынь, Люй может поплатиться за это головой.

Отныне он будет следить за тем, как живут женщины в его роду. До него дошли слухи, что в землях некоего великого человека женщины наравне с мужчинами могут сражаться и занимать государственные должности.

Цуй Люй кашлянул, не давая ошеломленной толпе прийти в себя, и снова повернулся к Цуй Гу:

— Пришло время платить по счетам.

Он знал: после таких новостей за Гу не вступится ни один человек.

Раньше они были простыми арендаторами: отдавали четыре доли урожая хозяину, три — государству в виде налогов, и лишь три оставляли себе. Прибавьте к этому трудовую повинность дважды в год — и у крестьян не оставалось ничего. Теперь же всё менялось. В зависимости от срока аренды Люй будет брать от двух до четырех долей. Чем дольше срок — тем меньше плата. Семьи смогут наесться досыта, если мужчины будут усердно трудиться.

Площадь загудела. Люди возбужденно переговаривались, не веря своему счастью. Женщины, не скрываясь, вытирали слезы.

Боги, неужели настают добрые времена? Глава клана оказался щедр не только к своим детям, но и ко всему роду.

Цуй Гу пошатнулся, ноги его подкосились. Он в ужасе посмотрел на Люя, а затем с мольбой обернулся к младшему брату. Цуй Юй стоял неподвижно, понимая, что любые слова сейчас бессмысленны.

Цуй Люй поднялся и неспешно подошел к брату. Он остановился перед ним, глядя сверху вниз:

— Памятуя о том, что мы одной крови, Цуй Гу, я даю тебе выбор...

В этот момент слуги привели женщину. Её сопровождали почтенные матроны рода.

Люй указал на пленницу:

— Либо ты уходишь из клана, забираешь эту женщину и навсегда покидаешь Хуйцую, разорвав все связи с Байюанем. Отныне ты больше не будешь Цуем. Либо ты даешь ей развод и отправляешь в монастырь Баохуа до конца её дней. Гу, я предупреждал тебя: живи тихо в своем поместье. Ты сам выбрал этот путь. Теперь выбирай.

Цуй Гу замер, глядя на жену, которой кляпом заткнули рот, и на связанного младшего сына. Его лицо стало мертвенно-бледным, он затряс головой:

— Я не уйду из клана... Нет... Только не это...

Люй кивнул:

— Значит, пиши разводную и отправляй её в монастырь.

«Ты думал, что если скроешь правду о смерти тетушки и продашь слуг, то избавишься от всех улик? — холодно подумал Люй. — Да, улик нет. Но мне они и не нужны. Достаточно того, что ты в моих руках, и я могу загнать её в угол».

Для него эта женщина даже не достойна была имени, хотя Гу и дорожил ею больше жизни.

Цуй Люй посмотрел на совершенно раздавленного брата и указал на темный проход в глубине родового зала:

— Одиннадцатый дядя уже стар. Отныне ты будешь следить за огнем в светильниках и чистотой в родовом зале. Тебе запрещено покидать эти стены без моего приказа. Что же до твоего любимого младшего сына... не смотри на меня так. Я не убийца. В нем течет кровь Цуй. Я найду людей, которые научат его быть честным и полезным человеком.

Женщина, увидев, что Цуй Гу берет кисть, отчаянно забилась, пытаясь что-то выкрикнуть сквозь кляп. Люй велел охранникам поднять с земли её сына и указал на двор родового зала:

— Привяжите его к дереву. Двадцать ударов плетью. Старший брат — как отец, а он посмел поднять на него руку. Законы клана Цуй — не пустой звук. Бейте!

Супруги замерли в оцепенении. Один лихорадочно писал разводную, другая рухнула на землю, перестав бороться. Они оба смотрели на сына, и в них больше не осталось ни капли былой спеси.

Восемь старейшин сжались, не смея и слова проронить. Цуй Люй усмехнулся и позвал:

— Цуй Юаньчи!

К изумлению Цуй Гу, Юаньчи вышел вперед и низко поклонился главе:

— Старший дядя. Все списки семей и наделов подготовлены. Ждем только жеребьевки.

Мир окончательно рухнул для Цуй Гу. Глядя на Юаньчи, он только сейчас заметил, что на том не старое рванье, а новый добротный наряд. Он стоял перед Люем — спокойный, учтивый, совершенно не похожий на того дрожащего доносчика, с которым Гу имел дело.

Это была ловушка. Тщательно спланированная многослойная западня.

Даже если бы старейшины не предали его своим молчанием, Цуй Люй всё равно победил бы. Все те «доказательства», что Гу так старательно собирал, Люй сам подсунул ему под нос.

— Цуй Люй... ты обвел меня вокруг пальца!

Люй мягко улыбнулся. Его глубокий голос разнесся над площадью:

— Нет. Я переиграл не только тебя. С этого дня те восемь господ, что привыкли кичиться своим званием, больше не имеют права входить в этот родовой зал.

За его спиной один за другим встали восемь молодых, крепких мужчин, среди которых был и Цуй Юаньчи.

Цуй Люй вывел свой тайный совет из тени. Время осторожности прошло — теперь его люди должны были взять власть в свои руки.

<http://bllate.org/book/16118/1583328>